

© 2006 г. Е.В. ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ

ЧАСТИ РЕЧИ В РУССКИХ ПИДЖИНАХ

В настоящей статье рассматривается проблема выделения частей речи в пиджинах на русской лексической основе, конкретно, в сибирском пиджине. Проводится обзор проблематики выделения частей речи в отечественном и зарубежном языкознании. Показывается, что редуцированный пиджин и расширенный пиджин являются идиомами разного порядка, вследствие чего должны рассматриваться отдельно. Рассмотрение частей речи в сибирском пиджине (в его редуцированных и расширенных вариантах) показывает, что части речи не конструирует исследователь, а языковая реальность, на что указывает их стремление к унификации формы, к “морфологизации”. При этом в первую очередь происходит формальное выделение глагола, и только вслед за ним – морфологизация существительного и других частей речи. Служебные части речи появляются позже, чем знаменательные.

Проблема выделения частей речи (словарно заданных лексико-грамматических классов слов) в пиджинах до сих пор не была предметом специального исследования. По-видимому, данные идиомы в этом отношении рассматривались как продолжения своих языков-лексификаторов. Между тем, набор и критерии выделения частей речи в пиджинах, в особенности в их базилектных формах, не могут совпадать с таковыми в их языках-лексификаторах. Это языки разного грамматического строя, в случае русских пиджинов – языки различных морфологических типов, – а потому критерии выделения и набор частей речи в этих языках не могут совпадать. Описания же конкретных пиджинов, хотя и оперируют терминами “глагол”, “предлог” и т. п., как правило, не содержат специальных указаний на то, как именно эти части речи выделялись.

Еще раз о критериях. Не раз повторялось, что в принципе существует три критерия для выделения частей речи (подробнее см. [Алпатов 1990а]).

Это семантический критерий, в соответствии с которым слова делятся по своим “общекатегориальным” значениям. Существительные выделяются, как имеющие значение “предметности”; глаголы как слова, обозначающие “действия, процессы или состояния”; прилагательные как классы слов, выражающие значение “качества или признака” и т. д.

В соответствии с морфологическим критерием части речи классифицируются по своим морфологическим характеристикам, т.е. по тому, какие грамматические категории имеет данная часть речи и как эти категории выражаются в словоформах; принимаются во внимание словообразовательные и словоизменительные модели. Некоторые исследователи предлагают понимать морфологический критерий расширенно, т.е. принимать во внимание “сочетаемость с грамматическими элементами, в том числе со служебными словами” [Алпатов 1990а: 40–42]. Такой подход значительно расширяет возможности применения морфологического критерия, распространяя его на языки с развитым аналитизмом.

По синтаксическому критерию части речи подразделяются в соответствии с теми синтаксическими функциями, которые они играют в предложении, т.е. по способности слов конкретной части речи занимать те или иные синтаксические позиции.

Очевидно, в некотором идеальном случае все три критерия должны совпасть, отчего и можно говорить о “категории существительности” [Кобозева 2000: 77–78]; ситуация в реальных языках лишь стремится к этому идеалу.

Каждый из упомянутых критериев, взятый сам по себе в отрыве от остальных, не удовлетворителен для подавляющего числа языков. О неадекватности семантического критерия писалось уже много (например [Щерба 1974; Стеблин-Каменский 1974: 19–34; Глисон 1959]). Однако применение одного морфологического критерия ведет к тому, что неизменяемые слова, вроде приводимого в пример Л.В. Щербой *какаду*, рискуют не попасть в состав существительных, куда, напротив, попадут личные местоимения и количественные числительные. Примером такого ультраморфологического подхода могут служить работы по эвенкийскому языку В.Б. Болдырева, относящего “имя действия” к существительным (подробнее см. ниже)¹.

Абсолютизация синтаксического критерия также ставит множество проблем, например, вопрос о том, какие именно синтаксические функции следует считать основными для данного класса слов. Сторонники такого “ультрасинтаксического” подхода приходят к выводу об отсутствии частей речи в системе изучаемого языка [Томчина 1978]².

Очевидно, что независимое использование морфологического и синтаксического критериев – в отрыве друг от друга – приводит к различным (и часто очень спорным) результатам. Можно принять это как данность и констатировать вслед за В.Ф. Выдриным, что “синтаксические части речи и морфологические части речи являются классами разной природы и могут не совпадать” [Выдрин 2004: 146]. Из такого крайнего утверждения следует, что научное грамматическое описание языка может (должно?) содержать две номенклатуры частей речи – морфологическую и синтаксическую. На практике так обычно не делается³, и на это есть основания. Невозможно привести ни один конкретный пример такой “двойственной” системы. В качестве иллюстрации своего утверждения В.Ф. Выдрин пишет: “одной морфологической части речи могут соответствовать две или более синтаксические части речи (например, неизменяемые лексемы, различающиеся по синтаксическим функциям), и наоборот” [Там же]. Трудно представить себе две лексемы с абсолютно одинаковыми парадигмами, скажем, падежа/числа или времени/вида (морфологически одна часть речи), которые играли бы в предложении настолько разные синтаксические функции, что их можно было бы отнести к разным частям речи (две синтаксические части речи). Русские лексемы *если*, *бац!*, *еще*, *надо*, *какаду*, *поп-* (*поп-модель*) **на практике** не будут отнесены к одной и той же морфологической части речи, хотя с морфологической точки зрения они сходны – являются неизменяемыми.

Утверждение существования в конкретном языке двух наборов частей речи можно увязать в “иерархизированную систему частей речи”, подобную той, какую В.Ф. Выдрин строит для языка бамана [Там же], он же настаивает на строгом разведении этих двух критериев. Для русского языка такое разведение пришлось бы проводить по отдельным лексемам, поскольку одни лексемы будут отнесены к существительным на основании морфологического критерия (*бег*, *белизна*), другие – на основании синтаксического критерия (*какаду*)⁴, а большая часть лексем – на основании сочетания обоих критериев (*медведь*, *стол*, *мама*).

¹ Имя действия в эвенкийском языке регулярно и предсказуемо образуется от основы глагола и служит для выражения предикации в зависимом предложении, и при этом не может играть роли субъекта, прямого объекта и т.п., характерные для существительного.

² В данном случае речь шла о языке манинка.

³ В упоминавшемся сборнике “Части речи” В.М. Алпатовым была предпринята попытка построения двух параллельных классификаций для японского языка (синтаксические и морфологические части речи). При этом автор, однако, подчеркивает, что обе классификации не совпадают ни с привычной для нас классификацией частей речи, ни с традиционной японской [Алпатов 1990б].

⁴ Разумеется, если понимать “морфологию” в расширенном смысле, т.е. как сочетаемость данного слова определенными служебными словами и определенными формами полнзначных слов, то критерий отнесения *какаду* к существительным также можно считать морфологическим. Таким образом, проблема заключается в том, что считать “морфологией”.

Представляется справедливым утверждение М. Хаспельмата о едином “морфосинтаксическом критерии”, который и оказывается определяющим как при выделении частей речи в каждом конкретном языке, так и при отнесении лексемы в ту или иную часть речи [Haspelmath 2001: 540]. При этом в применении к изолирующим языкам “морфология” может пониматься в расширенном смысле. По-видимому, неверно говорить о существующих отдельно морфологических и синтаксических критериях, поскольку они, как правило, не применяются независимо друг от друга. “Удельный вес” морфологических и синтаксических составляющих может варьировать, но все же (за исключением, по всей видимости, древнекитайского языка) принимаются во внимание соображения обоюродного рода, между которыми трудно провести четкую границу: на каком основании мы считаем русск. *медведь* или удэгейское *songo* ‘медведь’ существительными, потому ли, что они изменяются по падежам или потому что играют в предложении преимущественно роль субъекта и прямого объекта. Следует вспомнить часто цитируемое выражение И.И. Мещанинова: “Части речи – это морфологизованные члены предложения” [Мещанинов 1945: 210].

Определение vs. критерии выделения. Полемика о частях речи осложняется тем, что существует очевидное противоречие между имплицитно используемыми исследователем критериями выделения частей речи и эксплицитным определением, которое этот исследователь дает при описании частей речи конкретного языка.

Исследователь конкретного языка выделяет части речи, **по существу**, так, как предлагал это делать Л.В. Щерба: “в вопросе о частях речи исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо научным и очень умным, но предвзятым принципам, он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой” [Щерба 1974]. При этом используется все тот же морфосинтаксический критерий. Однако при необходимости дать определение той или иной части речи вперед выдвигается семантический критерий, а морфологические и синтаксические соображения занимают подчиненную позицию либо не упоминаются вовсе.

Вот пример из взятой наугад грамматики. Т.И. Петрова в книге “Язык ороков (ульта)” пишет: “В орокском языке имя существительное выделяется из всех прочих частей речи прежде всего своей семантикой: все слова, относящиеся к имени существительному, обозначают предметные понятия” [Петрова 1967: 23]. Далее выясняется, что существуют также “названия пространственных понятий, величин и размеров”, которые “употребляются всегда в притяжательной форме, так как всегда мыслятся в связи с тем предметом, с которым они соотносительны” [Там же: 24]; и далее: “выделяется группа имен существительных, основа которых или вполне тождественна глагольной основе ...*уи* ‘звук’, *уи* ‘шуметь’... или же имеет наращение в виде *н* [Там же] ... Существительные без наращения являются названиями предметов, в какой-то мере связанных с действием, выраженным соответствующей глагольной основой”. Таким образом, Т.А. Петрова включает в состав существительных орокского языка слова, обозначающие качества (величины, размеры), а также названия действий или их результатов. Делается это потому, что в морфологическом отношении данные слова ведут себя как прототипиские существительные, обозначающие предметы. Это один из типичных примеров расхождения между критериями выделения частей речи, на которых основывался исследователь, и определения, которое он им дает. Работа Т.И. Петровой выбрана наугад, но такая ситуация оказывается типичной в случае, когда исследователь специально не задумывается о критериях выделения частей речи, а лишь следует известной традиционной схеме описания⁵.

⁵ Следует сказать, что такого рода определения традиционны в большей степени для русского языкознания. Западные грамматические описания, как правило, вообще не дают никакого определения частям речи. Ср. *Tibetan grammar* [Jäschke 1972: 20–24]; глава, посвященная существительному, начинается словами “Множественное число образуется путем прибавления слова... (The plural is denoted by adding the word...)” далее идет описание падежной системы; никакого определения не дается.

Подобным же образом части речи определяются в большинстве учебников и учебных пособий по русскому языку, ср.: «Грамматическая категория частей речи находит свое выражение в противопоставлении грамматических классов слов, которые различаются своим общим категориальным грамматическим значением, специфическими для каждого разряда частными морфологическими категориями, особенностями синтаксического функционирования, словообразовательными свойствами. Например, слова *школа* и *книга* относятся к одной части речи, так как обнаруживают: 1) одинаковое категориальное значение – “предметность”; 2) одинаковую систему частных морфологических категорий – одушевленность-неодушевленность, род, число, падеж; 3) одинаковое синтаксическое “поведение” в словосочетании и предложении; эти слова могут подчинять себе согласуемые формы имени прилагательного или глагола и управляемые формы другого имени существительного...” [Совр. русск. лит. яз. 1988: 178–179]⁶.

Достаточно редко встречаются случаи декларируемой абсолютизации семантического критерия. В защищенной недавно докторской диссертации Б.В. Болдырева “Части речи и грамматические категории эвенкийского языка в сравнительном освещении” проблема критериев выделения частей речи является одной из центральных. В работе постулируется выделение знаменательных частей речи в эвенкийском языке (их выделяется четыре: существительное, глагол, прилагательное и наречие); причем “господствующим и определяющим критерием при этом является общеграмматическое или категориальное значение слова. ...Все остальные признаки: морфологический, синтаксический и лексический – обусловлены, на наш взгляд, признаком классифицирующим, т.е. категориальным или общеграмматическим значением” [Болдырев 2004: 10]. Исходя из этого, “определяющим критерием для выделения такой части речи, как имя существительное, является его общеграмматическое значение – предметность” [Там же: 16]. Кажется бы, автор разделяет точку зрения М. Бергельсон, считающей, что выделение основных частей речи, прежде всего существительного и глагола, основано на “универсальности противопоставления двух типов концептов, отражающих основную дихотомию человеческого восприятия действительности; концептов, соответствующих физическим объектам, – Термов – и концептов, соответствующих ситуации, в которых эти объекты участвуют, – Предикатов” [Бергельсон 1990: 197]. Однако дальнейшее изложение показывает, что в класс существительных Б.В. Болдырев включает также отглагольные имена действия: “слова этого разряда имен существительных обозначают второстепенное, добавочное действие, процесс, выраженные субстантивно и тем или иным образом связанные с главным действием, обозначенным глаголом” [Там же: 46]. К существительным они отнесены, так как “обозначают субстантивное действие и им сопутствует частнограмматическая категория принадлежности”. Однако, “как и прочие имена существительные, в составе предложения связанные имена, как правило, выступают исключительно в роли обстоятельства, отличаясь тем самым от собственно существительных, способно быть в предложении еще и подлежащим или дополнением” [Там же: 47]. Очевидно, что классификация по частям речи слов эвенкийского языка была проделана последовательно с применением морфологического критерия, так что синтаксический критерий (а, по существу, и семантический) игнорировались. При этом сам автор, напротив, постулирует последовательное применение семантического критерия. Такие примеры можно умножить.

Очевидным образом, исследователи конкретных языков пользуются на практике морфосинтаксическим критерием, но в качестве ведущего при определении частей речи выдвигают семантический, который реально ими не используется⁷. Как показал Г. Глисон, адекватно определить часть речи в рамках традиционного подхода невозможно:

⁶ В действительности, учитываются все три критерия, однако их иерархия задается таким образом, что определяющим остается семантический критерий.

⁷ Примером использования семантического критерия может служить выделение числительных в отдельную часть речи, как это делается в традиционных грамматиках.

«Традиционные определения частей речи в основном непригодны... В конечном счете мы всегда прибегаем к иным критериям. Отнесение *tallness* к определенной части речи основывается не на том, “называет” ли оно качество или “указывает” на него, но наведении этого слова в языке» [Глисон 1959: 141].

Примером строгого определения части речи может служить следующее: “Nouns are characterized by the grammatical categories of number, case, and possession. Syntactically they function as arguments, adjuncts, modifiers or predicates in copular constructions. The absolute majority of nouns in Udihe have the prototypical nominal meaning: they denote physical objects, either countable entities or uncountable mass notions. Very few nouns denote abstract notions, such as states, activities, results or qualities”. (“Существительные характеризуются наличием у них грамматических категорий числа, падежа и принадлежности. Они могут служить в предложении аргументами, адъюнктами, модификаторами, а также предикатами связочных конструкций. Подавляющее большинство существительных удгейского языка имеют прототипическое именное значение: они обозначают физические объекты, как счисляемые единичные, так и не счисляемые вещественные. Очень немногие существительные обозначают абстрактные понятия, такие как состояние, действие, результат или качество”) [Nikolaeva, Tolskaya 2001]. Здесь существительное фактически определяется через его функцию, по морфосинтаксическому критерию. При этом перечислены все три критерия, морфологические соображения вынесены вперед, поскольку “удельный вес” морфологической составляющей указанного критерия оказывается, по мнению авторов, ведущим.

Язык и языки. Со времени, когда в русском языкознании проходила дискуссия о критериях выделения частей речи (см. об этом [Князев 2001]), прошло почти сто лет. За это время о частях речи было написано много, это одна из “вечных тем” русского языкознания. В 1990 году вышел сборник статей под редакцией В.М. Алпатов, полностью посвященный проблематике выделения частей речи как в языке вообще, так и в конкретных языках разных типов [Части речи 1990], в том же году вышла статья А.К. Поливановой, посвященная частям речи в русском языке⁸ [Поливанова 1990], появляются все новые работы, посвященные проблеме частей речи [Болдырев 2004; Князев 2001; Выдурин 2004; Тестелец 2005].

Одно из объяснений такой нерешенности проблемы лежит в чисто лингвистической плоскости: в различии двух предметов лингвистики, изучающей как языки, так и Язык. Это очень точно сформулировал М. Хаспельмат: «Прежде чем задаваться вопросом, как определить существительные, глаголы, прилагательные, нужно прояснить, имеется ли в виду определение этих классов слов в каком-то определенном языке или нам требуется определение этих классов слова в языке вообще. Широко известные и раскритикованные определения существительного как обозначающего “людей, предметы и места”, а глаголов как обозначающих “действия и процессы”, прилагательных как обозначающих “качества”, являются, разумеется, очень упрощенными с точки зрения конкретного языка... Однако, если целью является определение существительных, глаголов и прилагательных не с точки зрения конкретного языка, эти определения оказываются не так уж плохи» [Haspelmath 2001: 540].

Таким образом, проблема несоответствия между критериями выделения частей речи и их определением в рамках одной и той же работы объясняется во многих случаях тем, что при определении частей речи исследователь стремится выйти на “общезыковую, универсальный” уровень теоретизации.

---

⁸ Последовательно применяя морфосинтаксический критерий, А.К. Поливанова выделяет в русском языке следующие части речи: 1) субстантивы (существительные, количественные числительные, местоимения-существительные); 2) адъективы (прилагательные, порядковые числительные, местоимения-прилагательные, причастия, наречия на -о); 3) глаголы (личные формы глагола, деепричастие, инфинитив); 4) компаративы – неизменяемые синтетические формы сравнительной степени (напр. *выше*); 5) первообразные служебные слова; 6) “внелексемные словоформы” (наречия типа *вприпрыжку, исподтишка, нешком*) [Поливанова 1990: 41–69].

По остроумному выражению А. Вежбицкой, “прототип спасает”, если “использовать его как специальный инструмент анализа, а не как универсальную гносеологическую отмычку” [Вежбицкая 1996: 201–202]. Представляется, что у знаменательных частей речи действительно имеется “общекатегориальное” значение, которое относится если не к большинству, то к весьма значительной части слов, данную часть речи составляющих, и являющихся ее ядром. Только для этой группы слов все три означенные выше критерия совмещаются, а не противопоставляются. В прототипическом случае слова, обозначающие “предмет, лицо или место” будут принадлежать той части речи, которая играет в предложении преимущественно роль субъекта или прямого объекта, может также определяться прилагательным, сочетаться с предлогом/послелогом и, очень возможно, она же будет иметь категорию числа и, например, иметь род или входить в определенный классификационный класс.

Это делает возможным, вообще говоря, выделять сходные части речи в разноструктурных языках. Если бы каждый конкретный язык не был ипостасью Языка и в нем бы выделялись ему одному свойственные части речи, это было бы сделать невозможно. Как показала М. Бергельсон, деление на основные части речи, прежде всего на существительное и глагол, отражает базовые когнитивные процессы человека [Бергельсон 1990], а потому эти части речи, по-видимому, являются универсальными.

Когда мы имеем дело с Языком как родом человеческой деятельности, приходится говорить о Частях Речи, свойственных Языку, выделяя их на основе семантического критерия, ибо “морфологические черты и синтаксические конструкции очень различны в разных языках, поэтому их невозможно применять при построении межъязыковых определений” (“morphological patterns and syntactic constructions vary widely across languages, so they cannot be used for cross-linguistically applicable definitions”) [Haspelmath 2001: 540]. Это касается основных частей речи, прежде всего существительного и глагола. В конкретном же языке части речи выделяются на основе морфосинтаксического критерия, однако при этом они соотносятся с “глубинными” Частями Речи Языка.

Покажем это на примере русских пиджинов, которые в силу своеобразия своего происхождения могут быть в какой-то мере уподоблены “возникающему” языку.

Пиджины

Пиджины возникают в условиях так называемых “экстремальных” языковых контактов, когда у двух или нескольких групп людей, которым необходимо договориться о чем-то конкретном, нет никакого общего языка. Говорящие на разных языках люди прибегают к внеязыковым формам коммуникации (жесты, мимика), при этом они используют и отдельные слова своих родных языков. Если ситуация общения повторяется и в ней участвуют одни и те же люди, вырабатывается звуковой язык, т. е. появляются слова, понятные всем участникам контакта, а также набор правил для связи этих слов. Такой идиом называется “пиджином”.

Лексика, как правило, заимствуется из одного языка – обычно это язык самой престижной группы. Однако, поскольку грамматика соответствующего языка неизвестна другим участникам коммуникации, эти слова переходят в пиджин, утратив те морфосинтаксические свойства, которыми они обладали в “родном языке”. Язык, послуживший источником лексики для пиджина, называют языком-лексификатором. В пиджине “лексические обломки” сцепляются способом, который, по-видимому, является универсальным – а именно, при помощи прагматического кода. Он характеризуется следующими чертами: а) движение порядка слов от темы к реме; б) свободная сочинительная связь (отсутствие подчинительных конструкций); в) соотношение именных основ при глаголе минимально, приблизительно 1:1; г) отсутствие флективной морфологии; д) особая интонация – низкий фокус на теме, затем переход к мелодическому повышению на реме; е) минимальность анафорики и, соответственно, зачаточное состояние местоимений. Такое состояние языка, как пишет Т.М. Николаева, является “исходной

позицией эволюционного цикла”, он близок детской речи, “на нем изъясняются плохо знающие язык иностранцы” [Николаева 1984; Givón 1979; Перехвальская 1986]. В дальнейшем пиджин может усложняться, что зависит от влилингвистических условий – чем большее количество разнообразных ситуаций он обслуживает, тем сложнее становится.

В контактологии принято подразделять пиджины на несколько разных подтипов в зависимости от того, насколько развит их словарный запас и сложны грамматические правила. Самый “простой”, “примитивный” пиджин, состоящий из нескольких сотен слов, соединенных прагматическим кодом, в контактологии называют “жаргон”; чуть более продвинутый идиом – “редуцированным пиджином”. Напротив, пиджин, обслуживающий разные коммуникативные ситуации и, следовательно, значительно расширивший свой лексикон, усложнивший грамматическую структуру для того, чтобы передавать достаточно тонкие оттенки значений как лексических, так и грамматических, принято называть “расширенным пиджином”, а сам процесс его формирования – “расширением пиджина”.

Пиджин, которым продолжают пользоваться, среди прочих, носители языка-лексификатора, может начать дрейфовать в сторону этого языка, постепенно приобретая все большее количество его черт (в фонетике, морфологии, синтаксисе), пока не превратится в своеобразный диалект этого языка. Может осуществиться и иной сценарий развития пиджина, он может стабилизироваться, и его “мягкая” грамматика превратится в “жесткую”, подобную грамматике обычных языков. Такой пиджин называется “стабильным”, и от обычного языка он отличается только тем, что по-прежнему нет людей, для которых он был бы родным (первым) языком. (О происхождении и развитии пиджинов см., например [Romaine 1988; Holm 2000; Thomason 2001].)

Известно несколько пиджинов, языком-лексификатором для которых послужил русский. По-видимому, в прошлом их было значительно больше, однако подавляющая их часть исчезала бесследно, как только в подобном идиоме отпадала необходимость – заканчивалась контактная ситуация или появлялся иной язык-посредник (например, один из “естественных языков”).

Более или менее репрезентативный лингвистический материал имеется по трем русскоязычным пиджинам:

1) руссенорск – язык меновой торговли между русскими и норвежскими рыбаками в районе Баренцева моря, существовавший с конца XVIII в. по начало 1930-х годов;

2) сибирский пиджин (русско-китайский пиджин, кяхтинский язык, маймачинское наречие), первоначальная форма которого сформировалась в пограничном городе Кяхта, центре торговли между русскими и китайскими купцами;

3) таймырский пиджин (говорка), бытующий на Таймыре у нганасанского населения; его записи относятся к 1980–1990-м годам, но очевидно, что он сформировался значительно ранее [Хелимский 2000; Stern 2002].

Не буду специально останавливаться на проблеме происхождения русских пиджинов, замечу лишь, что все они, по-видимому, частично восходят к старому русскому пиджину, который сформировался в ходе завоевания Россией огромных территорий Урала, Сибири, Кавказа, Дальнего Востока. Об этом свидетельствуют некоторые общие черты, встречающиеся во всех упомянутых пиджинах (подробнее об этом см. [Козинский 1974]).

В связи с проблемой выделения частей речи в различных русских пиджинах существенным оказывается не происхождение пиджинов, а степень их редуцированности/расширенности. В этом отношении руссенорск следует охарактеризовать как редуцированный пиджин, говорку – как начавший расширяться пиджин, попавший в ситуацию постпиджинного континуума. Сибирский пиджин представлен разными записями, которые отражают разные этапы его развития: редуцированный пиджин [Александров 1884; Шухардт 1884; Врубель 1931], стабильный пиджин [Черепанов 1853; Шпринцын (арх.) 1968]; относительно расширенный, находящийся в состоянии постпиджинного континуума (полевые записи, сделанные с 1984 по 2004 годы).

Можно сказать, что редуцированный пиджин и стабильный пиджин – это идиомы разного порядка. Редуцированный пиджин характеризуется отсутствием эксплицитно выражаемых грамматических категорий и одновременно “мягкой” грамматикой, то есть такой, где правила носят статистический характер и где, соответственно, любое правило может нарушаться. Стабильный пиджин – это язык с грамматикой в обычном понимании. Поскольку на некоторой стадии развития сибирский пиджин определенно начал расширяться и стабилизироваться, разные стадии развития этого пиджина будут рассматриваться отдельно.

Части речи в редуцированном пиджине

В редуцированных формах русских пиджинов, с их крайне бедной морфологией и отсутствием словоизменительных парадигм, казалось, следовало бы опираться исключительно на синтаксический критерий, однако этот критерий оказывается недостаточным. В отличие от “естественного” языка, пиджин являлся вспомогательным языком, не имеющим “жесткой” грамматики. Это касается и правил порядка слов в предложении. В такой ситуации интерпретация конкретного высказывания в большой степени определяется контекстом.

Скажем, выражение в сибирском пиджине *кабан таскай* (КЯ) может быть проинтерпретировано как ‘кабаны таскают (обычно или часто что-то крадут)’, ‘тащи кабана’, ‘он кабана тащит/таскал/будет таскать/таскал бы’ и т. д. Это объясняется тем, что глагол *таскай* в пиджине имеет широкое лексическое значение ‘носить, возить, приносить, привозить, воровать, красть’, при этом глагол, не имея словоизменения, не выражает никаких грамматических значений – лица, числа, времени, модальности и т. д. Поэтому интерпретация такого предложения зависит от контекста, который в данном случае указывает на следующую интерпретацию: ‘нам приходилось подтаскивать кабаньи туши (к лодке)’.

Тем не менее *кабан* всегда рассматривается как существительное, а *таскай* – как глагол. При интерпретации фразы *кабан таскай* можно сомневаться в том, какой актант выражен словом *кабан* – это может быть подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение или иной актант (например, инструменталис), или даже сирконстант. Однако это в любом случае будет какая-то функция, свойственная существительному. Точно так же *таскай* – глагол, и он воспринимается как сказуемое, какое бы не приписывалось ему число, время, лицо, наклонение.

Таким образом, понимание частеречной принадлежности слов позволяет интерпретировать предложение, поскольку все вышеперечисленные смыслы все же сводятся к некоторому инварианту: *кабан* – “Терм”, *таскай* – “Предикат”. Понимание того, к какой части речи относятся лексемы, составляющие предложение, **происходит ранее** его интерпретации. Следовательно, без этого знания интерпретация предложения невозможна.

Можно предположить, что основой оказывается семантическая интерпретация слова *кабан* как “Терма”, а слова *таскай* – как “Глагола”. Тогда в пиджине определяющим при выделении частей речи окажется семантический критерий, т. е. поверхностные части речи совпадут с глубинными, смысловыми. В этом случае пиджин окажется едва ли не единственным языком, где части речи действительно выделяются на основе семантического критерия. Такая интерпретация звучит достаточно правдоподобно: в пиджине, как в рождающемся языке, могут ярче проявляться свойства Языка вообще.

Если это так, то интерпретация искусственного предложения вроде щербовской “Глокой куздры” на пиджине оказалась бы невозможной, поскольку понимание такого рода предложений базируется на интерпретации грамматических значений, прежде всего морфологических показателей, а семантический критерий исключается. В переводе на сибирский пиджин это предложение, по-видимому, звучало бы примерно следующим

образом: “Гэлокы куздэра бокэра мала-мала булдай. Бокэра сына⁹ типерь булдай его”. Оно, вне всякого сомнения, было бы понятно. Частеречная принадлежность всех слов очевидна, равно как и их роль в предложении. Следовательно, морфосинтаксический критерий может быть применен и к редуцированному пиджину, а части речи здесь могут быть выделены по формальным критериям. Остается выяснить, что это за критерии.

Для решения этого вопроса был составлен словарь сибирского пиджина, который представляет собой попытку сведения воедино разновременных лексических материалов. Целью его было: 1) выделение основного лексического ядра пиджина и 2) выявление формальной вариативности лексем. Словник составлялся, исходя из установки на максимально полное отражение лексики пиджина, поэтому учтены также формы, принадлежащие мезолектным формам. Путем сплошной выборки были расписаны основные письменные лингвистические¹⁰ источники по сибирскому пиджину.

При всей размытости синтаксиса сибирского пиджина, предложение имеет тенденцию к порядку слов SOV; следующими по частотности при этом будут порядки SVO и OVS, если субъект выражен местоимением¹¹. Следовательно, синтаксический критерий также оказывается задействованным, однако взятый изолированно он оказывается недостаточным. Ср.:

(1) *мене жалко их детей, не даюта мене ихинь* (КЯ) ‘очень я горевала по детям, мне их не отдали’.

В примере (1) нарушен порядок второго предложения, тем не менее *даюта* интерпретируется как сказуемое, потому что известно, что это глагол.

Русские пиджины – причем не только сибирский, но также руссенорск, а возможно, и говорка – очевидным образом стремятся к **формальному** выделению частей речи, прежде всего **глагола**. В пиджинах в полной мере проявляется тенденция частей речи морфологизоваться, причем в сибирском пиджине и руссенорске этот процесс происходил независимо. При этом в первую очередь выделяется глагол, что соответствует современным представлениям о ведущей роли предиката. “Предикат является главным определяющим элементом в структуре пропозиции постольку, поскольку ситуация определяется не объектами, которые ней участвуют, а теми отношениями, в которых они находятся” [Кобозева 2000: 220].

Глагол. В руссенорске начался процесс формального выделения глагола – большинство глаголов получили исход на *-om*: *drikkom* ‘пить’, *slipom* ‘спать’, *smotrom* ‘смотреть’, *korom* ‘покупать’ и т. п. Этот элемент нельзя считать полноценной морфемой, так как он не несет никакой иной грамматической информации, помимо того, что является показателем глагола (verb marker по Й. Лааксо [Laakso 2001: 316]). Его единственная функция – указание на глагол как на часть речи. По поводу происхождения этого показателя имеются различные точки зрения; по-видимому, это продукт двойной этимологии (см. обзор этой проблематики в [Laakso 2001]).

В то же время в руссенорске встречаются глаголы, по форме сходные с глаголами сибирского пиджина – *grebi* ‘грести, перевозить по воде’, возможно, это остатки более ранних форм, восходящих к русской составляющей русско-норвежского пиджина.

В сибирском пиджине также произошло формальное выделение глаголов, которые в большинстве своем имеют исход на *-j* или *-i*. Многие из них по форме совпадают с импе-

⁹ Это вовсе не означает, что *бокренок* является непременно детенышем *бокра*. Слово *сын-ка* в пиджине имеет очень широкое значение, ср.: *дуба сына* ‘желудь’ (Ар.).

¹⁰ В словарь не включались цитации из художественной литературы, где имитируется речь персонажей, говорящих на пиджине.

¹¹ Такое же правило Е.А. Хелимский отмечает и для “говорки” [Хелимский 2000].

ративом глагола русского языка: *боле́й, выгони, захорони, гоняй, незнай, ругай, сади* и т.п. Из зафиксированных в составленном мною Словаре сибирского пиджина 166 глаголов и глагольных форм такой формой обладают 128 глаголов. При этом подавляющее количество исключений составляют мезолектные глагольные формы (имеющие показатели лица/числа или инфинитива): *знаеши, говорю, мать* и т.д. (всего 34 формы). Только четыре глагола, зафиксированные в абсолютной форме (т.е. не выражающей никаких грамматических категорий), имеют иной вид: *умеиша, кушаху, поживу, ляг*. Первые три засвидетельствованы в текстах Черепанова (кяхтинский вариант, середина XIX века); а последний – в 1984 г. у информантки с родным удэгейским языком, говорящей на пиджине, язык которой следует охарактеризовать как базилект с некоторыми чертами мезолекта. Модальный глагол *хочу* ‘хотеть’ имеет варианты *хочи* и *хычи*, причем последние два оказываются в некоторых вариантах более частотными. Кроме того, модальные показатели в пиджине я считаю особой частью речи.

Целый ряд глаголов не может быть возведен ни к одной из форм русского языка: *плакай* ‘плакать’, *кричай* ‘кричать’, *охотай* ‘охотиться’ и т.д. Первые два образованы, по-видимому, от основ инфинитива, к которым добавился *-j* как формальный показатель глагола. Глагол *охотай* образован от существительного *охота* с добавлением глагольного показателя *-j*. Таким образом, очевидно, что и “новые” глаголы были образованы по той же модели – с сохранением формального глагольного показателя.

То же самое касается и глаголов, восходящих к словам иных языков: *капанчи* ‘воровать’, *каньтрами* ‘рубить, отрубать’, *юли* ‘грести, перевозить на лодке’ (первое слово неизвестного происхождения, два других восходят к китайскому языку).

Формальному выделению глагола в сибирском пиджине, закреплению за *-il-j* функции глагольного показателя могло бы помешать наличие русских прилагательных и местоимений-прилагательных, имеющих в русском языке форму им. пад. муж. рода ед. числа на *-j*. В пиджине большинство слов, соответствующих прилагательным русского языка, имеют исход на редуцированный гласный и, по-видимому, могут быть возведены одновременно к формам прилагательных и формам соответствующих наречий: *хорбишэ, ровнэ, красивэ, правильнэ, грязнэ, одинакэ, чистэ* и т.п. (всего в Словаре зафиксировано 18 таких слов). Эти слова являются определениями как при существительных, так и при глаголах, и образуют класс атрибутов (см. ниже). Исход на *-j* сохранили лишь несколько собственно прилагательных, с ударением на последний слог: *слепой, молодой, друбой, чужбой*.

При этом зафиксирован один случай перехода русского прилагательного в глагол пиджина, что произошло, по-видимому, по причине того, что форма русского прилагательного ед. числа им. пад. муж. рода с окончанием *-ий* была воспринята как глагольная: *фальшивий-ла* ‘обманывал’ (Вр), которая в данном примере выступает с перфективным показателем *-ла*.

С точки зрения семантики **все** глаголы сибирского пиджина имеют прототипические значения: действия (*говори, колой, капанчи, кричай*) или состояния (*боли, посиди, спи*), в том числе ментального (*думай, знай*). Никаких других значений: например, значения признака, вроде русского *синеть* или отыменного действия, как у английского *to mob* ‘сбиваться толпой’, в сибирском пиджине не засвидетельствовано.

Таким образом, в сибирском пиджине при выделении глагола как части речи могут быть применены оба критерия (семантический и морфосинтаксический), при применении любого из них независимо друг от друга будут выделены идентичные классы слов.

Существительное. Формальное выделение существительного в редуцированных вариантах сибирского пиджина связано с появлением “квзисуффиксов”. Существительное в пиджине, как и глагол, имеет “абсолютную” форму, которая сама по себе не выражает никаких грамматических значений, в том числе категорий числа, падежа, одушевленности. Существительное – это неизменяемое слово, которое может выступать в предложении в роли субъекта, прямого и косвенного объектов, а также может быть именной частью сказуемого.

Для существительных сибирского пиджина характерно достаточно устойчивое ударение, которое обычно падает на предпоследний слог и лишь в редких случаях – на последний слог слова (*дрова́*) или на третий от конца (*до́жика* ‘дождь’).

У многих существительных отчетливо выделяется формант *-za*, который, очевидно, контактирует с китайским именным показателем *-tze*:

<i>ukalainza</i>	‘украинец’
<i>fanza</i>	‘дом’
<i>kitajza</i>	‘китаец’ ¹²
<i>moneza</i>	‘деньги’
<i>lipahozza</i>	‘леспромхоз’
<i>kupeza</i>	‘купец’
<i>jajtza</i>	‘яйцо’
<i>shisoza</i>	‘шестьсот’.

Из 193 существительных, зарегистрированных в Словаре сибирского пиджина, такой квазисуффикс имеют 34 слова.

Другим квазисуффиксом может считаться элемент *-ka*, который дважды встречается также и в дублетных формах, *сына – сынка* ‘сын’, *мама – мамэка* ‘мать’.

<i>jaseka</i>	‘ящик’
<i>ibenka</i>	‘японец’
<i>setuka</i>	‘штука’
<i>sholeka</i>	‘шелк’
<i>chacheka</i>	‘чашка’
<i>soledatka</i>	‘солдат’
<i>muzika</i>	‘мужчина, муж’
<i>mishoka</i>	‘мешок’.

Всего таких слов зарегистрировано 37.

Лексемы, восходящие к словам русского языка, сложные с точки зрения русского словообразования, в пиджине оказываются неразложимыми:

<i>dozika</i>	‘дождь’
<i>pampusika</i>	‘пампушка (китайский хлеб)’
<i>riumasheka</i>	‘рюмка’.

Три четверти всех существительных сибирского пиджина имеют исход на *-a* (145 из 193).

Двадцать одно существительное имеет исход на *-i*. Это, главным образом, слова, восходящие к формам множественного числа русского языка:

<i>mantu</i>	‘манты’
<i>pantu</i>	‘панты (не затвердевшие рога оленей)’
<i>piliuli</i>	‘лекарство’
<i>liudi</i>	‘человек’.

Девять слов имеют исход на *-n*: *гаолян, имен, ямынь, кабан, ирлан, чифан* – это, главным, образом слова, заимствованные из китайского языка.

Лишь несколько существительных имеют исход на другие гласные: *-o* (4 слова) или *-u* (1 слово):

<i>Roseju</i>	‘Россия’
<i>akno</i>	‘окно’.

Таким образом, большинство существительных сибирского пиджина также имеют достаточно выразительную форму, хотя тенденция к формальному выделению существительного выражена менее последовательно.

Обычным разрядом имен, по-видимому, следует считать личное местоимение, которое также имеет неизменяемую форму и может употребляться во всех функциях, свойственных существительному, включая функцию определения при другом существи-

¹² Ср. слово *китаёза* – презрительное название китайцев в дальневосточном сленге начала XX века.

тельным. Местоимения выделяются своей семантикой (как не имеющие постоянного денотата), а также тем, что с большей легкостью допускают дублетное варьирование (*мине/моя/во; тибел/твоя/ни* и т.д.).

Семантически существительные сибирского пиджина так же как и глаголы выражают прототипические значения, обозначая предметы (*бутылка, фанза, колодиса* 'колодец'), людей и животных (*купеза, капитана, люди*), места и организации (*колхоза, больница*). Некоторые существительные, однако, выражают достаточно абстрактные понятия: *война, воля, время, дело, работа, цена* – 6 слов.

Атрибут¹³. Атрибут в сибирском пиджине достаточно ясно выделяется по синтаксическому критерию, как класс слов, способный служить определением как существительного, так и глагола. Всего в Словаре зарегистрировано 20 слов, принадлежащих этому классу, 18 из них восходят к словам русского языка, одно слово (*хокан* 'красивый, красиво') заимствовано из китайского языка, и одно слово (*шангб* 'хороший, хорошо') является словом неизвестного происхождения.

Атрибуты, восходящие к словам русского языка, имеют в исходе редуцированный гласный, что позволяет этимологически возводить их одновременно к формам прилагательных и наречий на *-о* русского языка: *пэравинэ* 'правильный, правильно, как следует' (< правильный, правильно); *рównэ* 'ровный, ровно'; *гэлязынэ* 'грязный, грязно' и т.д.

Наречия. Наречия в сибирском пиджине можно определить как слова, способные служить определением сказуемого, атрибута или другого наречия, но не существительного. Они играют в предложении роль сирконстантов (*дома* 'дома, домой', *низа* 'вниз, внизу', *деся* 'здесь, сюда'). Наречия могут иметь разную форму, в том числе быть редуцированными (*мало-мало* 'немного, чуть-чуть', *ели-ели* 'еле-еле').

Частицы. Все служебные части речи редуцированных форм русских пиджинов отнесены к разряду частиц. Русские пиджины разделяют с редуцированными пиджинами вообще (образовавшимися на базе других языков-лексификаторов) стремление к минимизации служебных частей речи. Так, в руссенорске есть один полифункциональный предлог (*ро*) и один полифункциональный союз (*как*) (см. [Broch, Jahr 1984; 1990; Lunden 1978]). В редуцированной форме сибирского пиджина нет ни предлогов, ни союзов. Имеются показатели отрицания *нету* и *ни*. Оба являются приглагольными маркерами отрицания, однако *ни* стоит непосредственно перед глаголом, а *нету* находится в постпозиции (ср. синонимичные варианты поговорки "моя твоя *понимай нету*" и "моя твоя *не понимай*"). Не зарегистрировано ни одного случая их совместного употребления. Как мне кажется, эти показатели находятся в ситуации свободного варьирования, хотя *нету* отмечается в "более базилектных" вариантах. К тому же позиционно он входит в одну парадигму с модальными глагольными показателями (см ниже). К этому же классу, по-видимому, можно отнести и вопросительные слова: *када* 'когда' и *какó/какой* 'какой, что, кто, как'. Малое количество служебных частей речи подчеркивает отсутствие морфологии в редуцированных вариантах пиджинов – здесь нет морфологии даже в ее "расширенном" понимании.

Части речи в расширенном пиджине

Расширенные варианты сибирского пиджина характеризуются не только увеличившимся лексиконом, но усложнившейся грамматикой. Появляются грамматические показатели, причем это происходит прежде всего в системе *глагола*. У глагола появляются аналитические формы. Если на стадии редуцированного пиджина именно глагол первым

¹³ Термин "атрибут" заимствован из тюркологии, где так именуется неизменяемая часть речи, способная определять как существительные, так и глаголы, т.е. по функции соответствует русским прилагательным и наречиям.

проявляет тенденцию к формальному выделению, то по мере расширения пиджина глагол первым получает показатели, выражающие собственно грамматические значения.

Глагол. В редуцированных формах сибирского пиджина глагол выступал в “абсолютной” форме, не имеющей никаких грамматических категорий. В расширенных вариантах он также представляет собой неизменяемое слово, способное выступать в предложении в роли предиката, которое может быть определено атрибутом или наречием, может сочетаться с показателем отрицания; формально глагол чаще всего имеет исход на *-i* или *-j*. Глагол способен сочетаться со следующими постпозитивными показателями:

Таблица 1

Видо-временные показатели

Грамматическое значение	Показатель	Примеры	
презентс, хабитуалис	<i>0</i>	<i>говори</i>	<i>ломай</i>
футурум	<i>буду</i>	<i>говори буду</i>	<i>ломай буду</i>
прошедшее	<i>-ла</i>	<i>говори-ла</i>	<i>ломай-ла</i>
перфект	<i>еса (еси), ю¹⁴</i>	<i>говори еса</i>	<i>ломай еса</i>
плюсквамперфект	<i>была</i>	<i>говори была</i>	<i>ломай была</i>

- (2) *курица яйцы купи ла, бутыка апускай ла... иво курица яйцы эта ламай* (Шп) ‘<он> купил куриные яйца и засунул в бутылку... он разбил таким образом яйца’;
- (3) *за его помешай поторговай буду* (Чр) ‘они будут мешать торговать’;
- (4) *мая ходи была* (Ал) ‘я уже приходил’;
- (5) *мая мала-мала читай еси* (Вр) ‘я немного почитал’;
- (6) *его ломай ла ю* (ЯБ) ‘он заболел’.

В последнем примере имеется сочетание приглагольных показателей. К сожалению, отрывочные данные по сибирскому пиджину не дают возможности установить точное значение таких сочетаний. Ср. еще примеры:

- (7) *Караула сэпи ла ю ла, мая фангули акэно* (Шп) ‘когда стража уснула, я разбил окно’.

В (7) в форме *спи-ла ю-ла* показатель перфектива (прошедшего) повторяется дважды – с полнозначным глаголом *сэпи* и со связкой.

¹⁴ Некоторые “единицы” пиджина существуют в виде дублетов, когда одному значению (лексическому, грамматическому) соответствуют две формы выражения, восходящие к разным языкам. Подобная ситуация описана у А.Ю. Русакова для севернорусского диалекта цыганского языка [Русаков 2004].

Модальные показатели¹⁵

Утвердительная форма	Отрицательная форма	Примеры	
<i>нада</i>	<i>нинада</i>	<i>говори нада</i>	<i>ломай нинада</i>
<i>можно</i>	<i>ниможно</i>	<i>говори можно</i>	<i>ломай ниможно</i>
<i>могу</i>	<i>нимогу</i>	<i>говори могу</i>	<i>ломай нимогу</i>
<i>хочи</i>	<i>нихочи</i>	<i>говори хочи</i>	<i>ломай нихочи</i>

Таблица 3

Показатель отрицания	Примеры	
<i>нету</i>	<i>говори нету</i>	<i>ломай нету</i>

(8) *эта либа помирай нету* (Шп) 'эта рыба была живая';

(9) *какой люди хочу канка?* (Яб) 'с кем ты хочешь увидеться?';

(10) *адин люди делай куши не могу* (Вр) 'один человек не может прокормить [семью]';

В отдельных случаях отрицательный показатель *нету*, а также модальные показатели могут сочетаться с показателями времени: *нету-ла*, *нада-буду*, *хочи-ла* и т.д.:

(9') *моя тайга ходи нада ла* (Ар) 'мне пришлось идти в тайгу';

(10') *после отдавай надо буду* (Чр) 'потом придется отдавать';

В более поздних вариантах (не ранее XX века) в перфективе у глагола появляется число: формы ед. числа получают окончание *-ла*, а формы множественного числа окончание *-ли*, при этом показатель перфектива из аналитического превращается в собственно окончание.

В мезолектных¹⁶ вариантах появляются формы других времен, лиц и чисел, однако их употребление оказывается спорадическим и непоследовательным, что свидетельствует о том, что перед нами случаи переключения кодов, а о появлении собственно грамматических категорий говорить еще нельзя. При этом, однако, нет ни одного случая употребления форм возвратной формы или пассивного залога. Эти формы оказались наиболее "трудными" для воспроизводства носителями пиджина. В пиджине имеются глаголы, восходящие к возвратным (с частицей *-ся*), однако в самом сибирском пиджине они не несут значения возвратности:

(11) *боися я* (КЯ) 'мне было страшно';

(12) *мамака середиза* (Шп) 'мать рассердилась'.

¹⁵ К модальным я отношу и показатель отрицания *нету*.

¹⁶ В контактологии языковые варианты, встречающиеся в посткреольском или постпиджинном континууме, стали делить на базилектные (т.е. принадлежащие собственно пиджину или креольскому языку) и акролектные (приближенные к языку-источнику), между которыми располагаются мезолектные (промежуточные) формы.

Во всех вариантах сибирского пиджина имеются дублеты, образованные от разных форм того же глагола русского языка: *посиди – сиди, сади – посади-ли, гуляй – погу-ли, выгони – гони, посади – сади, думай – подумай*. Многие из этих форм имеют одно значение:

(13) *за ваша женушки место посиди нету* (Чр) ‘вы не бываете с женами’.

Имеющиеся материалы не дают оснований полагать, что перед нами глагольные формы с префиксами, несущими какое-то грамматическое значение. Скорее, такие формы следует рассматривать как своего рода этимологические дублеты с синонимичным значением.

Существительное. Существительное в расширенных формах сибирского пиджина не выражает никаких грамматических категорий, может выступать в предложении в роли субъекта, актантов при глаголе, а также может быть именной частью сказуемого.

(14) *эта люди патом дзимли кападзи* (К) ‘этот человек потом копал землю’;

(15) *сам город паиол иво* (КЯ) ‘сам он уехал в город’;

(16) *бульдозера ровно делай* (К) ‘бульдозером равняли’.

Существительное может сочетаться с квантификаторами (числительными, показателями [в]се, [м]ного), могут быть определены другим существительным (существительным-местоимением), а также атрибутом:

(17) *за тиби одина дена походи нету, за моя соли повеси буду* (Чр) ‘[если] ты не придешь [хотя бы] один день, я повешусь от горя’;

(18) *адин сонца шесть рубли залабодай* (Вр) ‘я заработал шесть рублей за один день’.

(19) *тваја три сонца купи јест* (Шх) ‘ты уже покупал [это] три дня назад’.

(20) *животны ного деда, и соболь и чиво, и мяса серем охотай зимой* ‘[мой] муж все время охотился зимой, [добывал] животных, соболя и других, [добывал] мясо’ (КЯ).

(21) *кушай маленька рюмка* (К) ‘пей маленькими дозами’ (о применении лекарства).

В Кяхтинском варианте существительное сочетается с показателем субъекта за:

(22) *за ваша мужа жестоки манера поживу еса* (Чр) ‘ваши мужья ведут себя грубо’.

В дальневосточном и кяхтинском вариантах, как и в говорке, существительное может иметь при себе послелог (таким образом выражаются некоторые приглагольные актанты):

(23) *сиди трава рядом* (КЯ) ‘<он> сидел в траве’.

В мезолектных вариантах существительное может иметь при себе предлог:

(24) *а мы по сопка ходим, нашли, дали Саюза, за мука, за крупа* (Тз) ‘а мы ходим по сопкам, что найдем, сдаем в Интегралсоюз в обмен на муку и крупу’.

Такое спорадическое появление предлогов при существительных, уточняющих их статус внутри предложения, может являться дополнительным критерием отнесения данного слова к разряду имен, в том числе и в базилектных вариантах.

Подклассом существительных являются существительные-местоимения, которые выполняют в предложении все функции, присущие существительному. Ниже дана таблица 4 местоимений в разных вариантах сибирского пиджина:

Таблица 4

Вариант	1-е лицо ед. числа	2-е лицо ед. числа	3-е лицо ед. числа	1-е лицо мн. числа	2-е лицо мн. числа	3-е лицо мн. числа
(Чр)	<i>мая</i>	<i>тиби/твая</i>	<i>ево</i>	<i>наша</i>	<i>ваша</i>	<i>ево</i>
(Шх)	<i>тоја</i>					
(Вр)	<i>мая/во</i>	<i>тиби/ни</i> ¹⁷		<i>во мынь</i>	<i>ни мынь</i>	
(Яб)	<i>таја</i>	<i>тваја/tibi</i>				
(Шп)	<i>мая</i>	<i>тибе</i>	<i>иво</i>			
(КЯ)	<i>я/мине</i>	<i>ты/тибе</i>	<i>йиво</i>	<i>наса</i>	<i>васа</i>	<i>ихинь</i>
(К)	<i>мая/я/а</i>	<i>тибе/ты</i>	<i>иво</i>	<i>наса</i>	<i>васа</i>	<i>иво</i>
(Тз)	<i>я</i>	<i>ты</i>	<i>ана</i>	<i>мы</i>		

Примечание. Косая черта отделяет более употребительный вариант от менее употребительного.

Атрибут. В расширенных вариантах сибирского пиджина также не имеет смысла различать прилагательное и качественное наречие, поскольку они совпадают по форме и различаются чисто синтаксически. Выделяется неизменяемый класс слов, служащих в предложении определением к другим полнозначным словам – существительному, глаголу или другому атрибуту:

(25) *большэ не умеи его* (КЯ) ‘Хорошо она не умеет <шить>’.

Отметим, что вследствие сравнительной узости сфер употребления пиджина, количество атрибутов в словаре этого языка невелико – их зарегистрировано всего 20. При этом многие из них выступают в составе связанных выражений:

пэрямо слово (Чр) ‘истинное слово’;

осбэ манера, осбэ дело (Чр) ‘другие обычаи’, ‘другое дело’.

Степени сравнения у атрибутов отсутствуют, а соответствующие значения передаются лексически, ср.:

(26) *Лан тоже нимношка малады* (Тз) ‘Лан немного моложе <меня>’.

Служебные слова. Важной проблемой является выделение служебных слов в расширенном варианте сибирского пиджина. По справедливому замечанию В.М. Алпатова, “основным свойством, различающим знаменательные и служебные слова, является самостоятельность первых, их способность образовывать высказывание и несамостоятельность вторых... Однако знаменательность и служебность той или иной единицы языка – по-видимому, свойство не абсолютное, а относительное, имеющее те или иные степени” [Алпатов 1990б: 27].

¹⁷ *Wo* и *ni* – китайские формы местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа.

Примером таких служебных слов, находившихся в процессе грамматикализации, могут служить квантификаторы (*м*)ного (из русск. *много*) и (*и*)се/(*и*)сё (русск. *все/всё*). Е.А. Хелимский отмечает сходное явление для говорки: «Русские формы множественного числа встречаются иногда в постпиджинском континууме, но не в “чистой” говорке, в которой значение множественности передается сочетаниями с препозитивной частицей *много* (*много, мого, ного*) или постпозитивной *се* (< СРЯ *все*). Последний тип очень характерен для говорки (*дяринга се* ‘все парни; парни’, *казку се* ‘все сказки; сказки’) и, возможно, должен считаться аналитическим множественным числом» [Хелимский 2000: 385]. То же самое оказывается верным и для расширенных вариантов сибирского пиджина, хотя “грамматикализация” вовсе не предполагает обязательного употребления данных маркеров; этот процесс зашел не настолько далеко, чтобы употребление этих показателей стало обязательным.

(27) *какой гаду-ла а низнэй, исе укалаинза сюда пришила <...> Укалаинза вотка нивыпи. Эта симейны исе иво, только дзяня палучила – магазина, какой мадияла еси – исе купи* (К). ‘в каком году не помню, сюда приехали украинцы. Украинцы водку не пьют. Они семейные, только деньги получили – в магазин, какой материал (ткань) есть – весь раскупят’.

При первом появлении (*исе укалаинза*) *исе* является грамматическим показателем и выражает значение множественности; последнее *исе* (*исе купи*) – это полнозначное слово со значением ‘всё’; выражение *симейны исе иво* может трактоваться двойко.

То же самое может быть сказано и о других разрядах служебных слов: приглагольных видо-временных и модальных показателях, послелогах.

Как в кяхтинском, так и в других расширенных вариантах сибирского пиджина появляются послелоги. Ср.:

(28) *я компания ходи* (КЯ) ‘он ходил со мной’;

(29) *Ивана дома спасибо* (Чр) ‘благодаря дому Ивана’.

Послелог *место* известен также в говорке: “Этот послелог стал, как кажется, наиболее приметным признаком пиджина, его приметой” [Хелимский 2000: 389].

В класс послелогов попали слова, по происхождению существительные – см. (28), а также некоторые прилагательные и наречия:

(30) *трава адинакэ* (КЯ) ‘как трава [зеленый]’;

(31) *река попереза* (Чр) ‘через реку’.

В отличие от говорки в сибирском пиджине этот класс находился в стадии становления, и конструкции с послелогами нельзя назвать частотными.

Характерной чертой многих служебных слов сибирского пиджина является то, что они оказываются словами с двойной этимологией. Наличие таких слов – явление, типичное для всех контактных идиомов. Суть этого явления состоит в следующем: грамматический показатель (иногда полнозначное слово) восходит к двум разным словам в контактирующих языках – причем к таким, которые, по случайному совпадению, имеют сходное значение и сходную внешнюю фонетическую оболочку. Так, глагольный показатель *-ла* может быть возведен одновременно к русскому окончанию прошедшего времени и к китайскому показателю перфектива *-la* [Перехвальская 1987].

Части речи расширенных вариантов сибирского пиджина

Служебные ЧР	Основные ЧР	Другие знаменательные ЧР
послелого (предлоги) ¹⁸ союзы частицы показатель отрицания видо-временные показатели модальные слова	существительные: имена, местоимения глаголы:	атрибуты наречия междометия

Таким образом, в расширенных вариантах пиджина при выделении частей речи используется морфосинтаксический критерий, понимая его морфологическую “составляющую” в широком смысле.

* * *

Рассмотрение частей речи в русских пиджинах, как в их редуцированных, так и в расширенных вариантах, показывает, что части речи, по справедливому замечанию Л.В. Щербы, не конструирует исследователь, который выделяет их на основе произвольно взятого критерия. Они существуют в языке реально, на что указывает их стремление к унификации формы, к “морфологизации”. При этом в первую очередь происходит формальное выделение глагола и только вслед за ним – морфологизация существительного и других частей речи. Служебные же части речи появляются позже, чем знаменательные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров 1884 – А. Александров. Маймачинское наречие // Русский филологический вестник. Т. XII. № 3. Варшава, 1884.
- Алпатов 1990а – В.М. Алпатов. Принципы типологического описания частей речи // Части речи. М., 1990.
- Алпатов 1990б – В.М. Алпатов. Из истории изучения частей речи // Части речи. М., 1990.
- Арсеньев 1972 – В.К. Арсеньев. По Уссурийскому краю. Дерсу Узала. М., 1972.
- Бергельсон 1990 – М.Б. Бергельсон. Проблема частей речи в языках изолирующего типа // Части речи. М., 1990.
- Болдырев 2004 – Б.В. Болдырев. Части речи и грамматические категории эвенкийского языка в сравнительном освещении. Новосибирск, 2004.
- Вежбицкая 1996 – А. Вежбицкая. Прототипы и инварианты // Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Врубель 1931 – С.А. Врубель. Русско-китайские языковые скрещения // Культура и письменность востока. № 7–8. М., 1931.
- Выдрин 2004 – В.Ф. Выдрин. И опять – части речи в бамана // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию профессора В.С. Храковского. М., 2004.
- Глисон 1959 – Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.

¹⁸ Предлоги характерны лишь для мезолектных вариантов, их появление, наряду с появлением падежных форм существительных и личных форм глагола, является критерием отнесения конкретной разновидности пиджина к мезолекту. Предлог *za* в записях Черепанова в действительности является показателем субъекта, хотя разными авторами ему приписывались иные значения (см. [Сапунова 2000]).

- Князев 2001 – Ю.П. Князев. О статье Л.В. Щербы “О частях речи в русском языке” // сайт архив петербургской русистики. Лев Владимирович Щерба (1880–1944): дополнительные материалы.
- Кобозева 2000 – И.М. Кобозева. Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Козинский 1974 – И.Ш. Козинский. К вопросу о происхождении кяхтинского (русско-китайского) языка // Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки. Тезисы докладов конференции. М., 1974.
- Мещанинов 1945 – И.И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.; Л., 1945.
- Николаева 1984 – Т.М. Николаева. Коммуникативно-дискурсивный подход к интерпретации языковой эволюции // ВЯ. 1984. № 3.
- Перехвальская 1986 – Е.В. Перехвальская. Языковые контакты и “прагматический код” // Лингвистические исследования. 1986. Социальное и системное на различных уровнях языка. М., 1986.
- Перехвальская 1987 – Е.В. Перехвальская. К проблеме слов с двойной этимологией // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников Ин-та востоковедения АН СССР. Т. II: Языкознание, литературоведение. М., 1987.
- Петрова 1967 – Т.И. Петрова. Язык ороков (ульта). Л., 1967.
- Поливанова 1990 – А.К. Поливанова. Опыт построения грамматической классификации русских лексем // Язык логики и логика языка. М., 1990.
- Русаков 2004 – А.Ю. Русаков. Интерференция и переклечение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе). СПб., 2004.
- Сапунова 1998 – К.С. Сапунова. Способы выражения темпоральных, аспектуальных и модальных значений в пиджинах на русской основе (дипломная работа, защищенная на филологическом факультете СПбГУ). СПб., 1998.
- Совр. русск. лит. яз. 1988 – Современный русский литературный язык: учебник для филологических специальностей педагогических институтов / Под ред. П. Леканта. М., 1988.
- Стеблин-Каменский 1974 – М.И. Стеблин-Каменский. Спорное в языкознании. М.; Л., 1974.
- Тестелец 2005 – Я.Г. Тестелец. Существуют ли языки без частей речи? // IV Типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии, Ереван, 21–28 сентября 2005. М., 2005.
- Томчина 1978 – С.И. Томчина. Введение в синтагматическую морфологию языка манинка. Л., 1978.
- Хелимский 2000 – Е.А. Хелимский. Говорка – таймырский пиджин на русской лексической основе // Е.А. Хелимский. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000.
- Части речи 1990 – Части речи. Теория и типология. М., 1990.
- Черепанов 1853 – С.Н. Черепанов. Кяхтинское китайское наречие русского языка // ИОРЯС. Т. 2. 1853.
- Шпринцын 1969 – А.Г. Шпринцын. О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке // Страны и народы Востока. Вып. 6. М., 1969.
- Шпринцын, арх. – А.Г. Шпринцын. Архивные материалы. ГПБ, отдел рукописей, архив № 1200.
- Шухардт 1884 – Г. Шухардт. Маймачинское наречие // Русский филологический сборник. Т. XII. № 4. Варшава, 1884.
- Щерба 1974 – Л.В. Щерба. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Broch, Jahr 1984 – I. Broch, E.H. Jahr. Russenorsk: a new look at the Russo-Norwegian pidgin in Northern Norway // Scandinavian language contacts. Cambridge, 1984.
- Broch, Jahr 1990 – I. Broch, E.H. Jahr. Russenorsk: the Russo-Norwegian pidgin. New findings // Tromsø studies in linguistics. 11. Oslo, 1990.
- Givón 1979 – T. Givón. On understanding grammar. New York; London, 1979.
- Haspelmath 2001 – M. Haspelmath. Word classes and parts of speech // International encyclopedia of the social and behavioral sciences. Amsterdam, 2001.
- Holm 2000 – J. Holm. An introduction to pidgins and creoles. Cambridge, 2000.
- Jabłonska 1957 – A. Jabłonska. Język mieszany chinsko-rosyjski w Mandzuri // Przegląd orientalistyczny. 21. 1957.
- Jäschke 1972 – J.L. Jäschke. Tibetan grammar. New York, 1972.
- Laakso 2001 – J. Laakso. Reflections on the verb suffix -om in Russenorsk and some preliminary remarks on “docking” in language contact // S. Maticšák, G. Zaicz, L. Tuomo (eds.). Debrecen; Jyväskylä, 2001.

- Lunden 1978 – *S. Lunden*. Russenorsk revisited // Meddelelser. 15. Oslo, 1978.
Nikolaeva, Tolskaya 2001 – *I. Nikolaeva, M. Tolskaya*. A grammar of Udihe. Berlin, New York, 2001.
Romaine 1988 – *S. Romaine*. Pidgin and Creole languages. London, 1988.
Stern 2002 – *D. Stern*. Russische pidgins. Die Welt der Slaven. XLVII. 2002.
Thomason 2001 – *S.G. Thomason*. Language contact. An introduction. Edinburgh, 2001.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Ал – материалы А. Александрова [Александров 1884]
Ар – цитаты из произведений В.К. Арсеньева [Арсеньев 1972]
Вр – материалы С.А. Врубеля [Врубель 1931]
К – записи, сделанные в 1990 году в пос. Кукан Хабаровского края
КЯ – записи, сделанные в 1984 году в селе Красный Яр Пожарского района Приморского края
Тз – записи, сделанные в 1990 году в селе Михайловка Ольгинского района Приморского края
Чр – материалы С.Н. Черепанова [Черепанов 1853]
Шп – материалы А.Г. Шпринцына [Шпринцын 1968; Шпринцын, арх.]
Шх – материалы Г. Шухардта [Шухард 1884]
Яб – материалы А. Яблонской [Jabłonska 1957]